

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Пхунтхасан П. «Высшие королевские постановления» Индонезии VII–XVI вв. как источник по истории буддийских практик архипелага // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.3.74711 EDN: EMXPOL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74711

«Высшие королевские постановления» Индонезии VII–XVI вв. как источник по истории буддийских практик архипелага

Пхунтхасан Пхра Парон

ORCID: 0009-0006-8479-7070

аспирант; Восточный институт; Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова

670000, Россия, респ. Бурятия, г. Улан-Удэ, Советский р-н, ул. Смолина, д. 24а

✉ peter.ppj.cloud.01@gmail.com

[Статья из рубрики "Историография и источниковедение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.3.74711

EDN:

EMXPOL

Дата направления статьи в редакцию:

05-06-2025

Аннотация: Корпус «Высших королевских постановлений» (ВКП) Индонезии VII–XVI вв. рассматривается как первоисточник по социально-экономической и религиозной истории архипелага. Анализируются тексты, фиксирующие дарование земель, налоговые льготы, судебные решения и ритуалы сакрализации власти. Исследование охватывает многоязычные памятники на санскрите, древнемалайском, древнеяванском и древнебалийском языках, выгравированные на камне и металле, что позволяет проследить трансформацию дипломатического канона, эволюцию буддийского дискурса и региональные особенности государственно-правовой практики. Особое внимание уделяется взаимосвязи юридического содержания с космологическими представлениями монархии и роли ВКП в формировании устойчивой ресурсной базы храмов, монастырей и образовательных центров. Такой подход выявляет механизмы интеграции буддийской этики в правовое пространство и демонстрирует, как эпиграфика служила инструментом легитимации власти, управления земельными фондами и регулирования религиозной среды. Анализ опирается исключительно на рецензированные академические издания

ВКП; применены формулярно-дипломатический и историко-филологический методы, критический дискурс-анализ ритуальных формул, правовая герменевтика и межиздательская сверка датировок, топонимов и терминологии. В данной работе впервые представлена целостная типология ВКП, включающая прасти, джаяпаттра и сима-грамоты, показана их функциональная комплементарность в управлении землей и религиозными институтами. Установлена трехфазная эволюция формуляра: от раннего санкционного стиля Шривиджай через риторически насыщенный этап Центральной Явы к юридически сокращенному синкетизму эпохи Маджапахита. Установлено, что по мере редукции проклятий усиливался тантрический блок инвокаций и последовательно упорядочивались фискальные предписания, что свидетельствует о возрастании правовой компетенции административного аппарата. Продемонстрирована роль медных грамот как мобильного носителя коллективной памяти, обеспечивавшего преемственность правовых норм при смене династий. Показано, что ВКП сформировали устойчивый идеологический архетип «царя-защитника Дхаммы», актуальный для современных буддийских организаций Индонезии.

Ключевые слова:

Высшие королевские постановления, эпиграфика, Индонезия, прасти, буддизм, Сангха, источниковедение, религиоведение, буддология, ритуалы

Изучение истории буддизма в Индонезии основывается главным образом на корпусе эпиграфических памятников, традиционно обозначаемых как «прасти» (praśasti, प्रशस्ति, 'похвальная дарственная надпись'). В индонезийских методических материалах подчеркивается, что прасти «merupakan dokumen resmi yang dikeluarkan oleh seorang raja», то-есть официальный акт, исходящий непосредственно от монарха [\[6\]](#). Под данным термином понимаются официально санкционированные королевские документы, высеченные на камне либо выгравированные на медных, бронзовых или золотых пластинах; наиболее ранние из них датируются VII в. н. э. и отличаются четкой юридико-ритуальной формулой [\[1, с. 484\]](#). В рамках настоящего исследования такие тексты трактуются как «Высшие королевские постановления» (далее — ВКП) — публичные акты монарха, подтверждающие дарование земель (sīmā), установление налоговых льгот, строительство буддийских храмов и монастырей либо регламентирующие иные аспекты религиозной и административной жизни государства.

Материал прасти многоязычен: помимо санскрита встречаются древнемалайский, древнеяванский и древнебалийский языки, фиксированные письмом паллава, пранагари и кави [\[1, с. 483\]](#). Термин «прасти» (praśasti, प्रशस्ति) обозначает «похвальную (дарственную) надпись», что соответствует индологической и индонезийской терминологии [\[1, с. 475\]](#). В шривиджайских памятниках задокументирован старомалайский язык, записанный паллавским шрифтом, что указывает на раннее освоение индийских культурных моделей на Суматре. Прасти представляют для археолога и источниковеда ценность точными датами, топонимами и титулатурой, позволяющими реконструировать политическую и социально-экономическую карту архипелага; религиовед извлекает из них сведения о культурах, пантеоне, структуре Сангхи и формах королевского патронажа [\[13, с. 80-83\]](#).

Раннее распространение буддизма фиксируется уже в надписях Кедукан-Букит (682 г.) и Таланг-Туо (684 г.), содержащих термины «ратнатрая» (ratnatraya), «пранидхана»

(*pranidhāna*) и «ваджрасарира» (*vajrasarīra*), указывающие на махаянско-тантрические доктрины [\[4, с. 2\]](#). Последовавшие за ними ВКП Шривиджайи, династии Шайлendra и Восточного Матарама демонстрируют устойчивую практику сакрализации власти через поддержание монастырей и присвоение беспошлинных земель, что одновременно укрепляло международные контакты с Индией и Китаем — ведущими центрами буддизма того времени [\[20, с. 20\]](#).

В историографии королевских надписей Индонезии принято выделять несколько опорных государств: ранние образования Кутай и Таруманагара, морскую империю Шривиджая (VII–XIII вв.), центрально-яванскую династию Шайлendra и государство Матарам (VIII–X вв.), а также позднесредневековые центры Кедири, Сингхасари и Маджапахит (X–XVI вв.).

При этом ВКП этих периодов демонстрируют поступательное усложнение формуляра: от кратких дарственных актов до развернутых правовых кодексов, где буддийская лексика сочетается с нормами хозяйственного регулирования. Поддержка храмового строительства, предоставление налоговых льгот и публичные обращения к Будде либо бодхисаттвам функционировали как средства легитимации власти и внутренней консолидации общества, одновременно выполняя дипломатическую роль, укреплявшую престиж государств на «морском шелковом пути» [\[9, с. 12\]](#).

Следует отметить, что современный индонезийский термин «командо кераджан» (*komando kerajaan*) буквально означает «королевское командование», однако в эпиграфических памятниках — от прашисти Шривиджая VII в. до надписей Маджапахита XV в. — такое словосочетание не встречается. В тексте Таланг-Туо 684 г. зафиксирована формула «*atas perintah Dapunta Hyang Sri Jayanasa*», где воля государя выражена словом «перинтах» (*perintah*, приказ) [\[13, с. 80–83\]](#). Та же лексема, а также «титах» (*titah*) и санскритизированные формы «аджня» (*ājñā*) либо «шасана» (*śāsana*) повторяются в более поздних надписях. Исследователи южносуматранского корпуса напрямую переводят перинтах как «повеление царя» [\[17, с. 165–168\]](#). Отсутствие слова командо до исламского периода и его происхождение от нидерландского «commando» указывают на колониально-новоевропейскую природу выражения «командо кераджан», неприемлемую для характеристики Высших королевских постановлений.

Таким образом, ВКП выступают незаменимым источником для изучения буддийской истории Индонезии: они фиксируют конкретные механизмы взаимодействия религии и власти, отражают динамику международных связей и позволяют проследить, как через эпиграфический дискурс буддизм приобретал статус универсальной идеологии, укреплявшей как престиж правителя, так и целостность многоэтничного архипелага.

Цель данной работы состоит в том, чтобы проследить во времени и пространстве трансформацию жанра «Высшие королевские постановления» Индонезии периода VII–XVI вв. и определить, какие параметры этих документов позволяют реконструировать историю буддизма архипелага.

Для достижения указанной цели сформулирован следующий круг **задач**, реализуемых поэтапно:

- 1 . Систематизировать доступный корпус опубликованных ВКП, уточнив датировку, региональную атрибуцию и актуальные научные репринты.
- 2 . Охарактеризовать формулярно-дипломатические особенности основных поджанров

жанра (прашасти, джаяпатты, сима-грамоты) и проследить динамику их трансформации во временном разрезе.

3. Выявить и классифицировать буддийскую терминологию, доктринальные и ритуальные элементы, отраженные в ВКП, принимая во внимание языковую адаптацию санскрита, древнеяванского и древнемалайского.

4. Проанализировать модели королевского патронажа Сангхи, монастырей и культовых сооружений, зафиксированные в текстах, и определить их социально-политические функции в структуре индонезийских государств.

5. Оценить вклад ВКП в формирование синкретической религиозной модели шива-буддизма и обозначить значение жанра как первоисточника для исторических, источниковедческих и религиоведческих дисциплин.

Методологическая стратегия исследования целиком опирается на кабинетное изучение уже опубликованных и прошедших научное рецензирование работ, перечисленных в разделе «Библиография». Первичные императорские указы, надписи и правовые своды изучаются исключительно по тем академическим изданиям, где они уже подвергнуты профессиональной транскрипции и источниковедческой критике.

Аналитический инструментарий включает: 1) глубокий анализ источников — последовательную проверку фактуры, датировок и терминологии в сопоставлении между различными публикациями; 2) исторический анализ для реконструкции динамики жанра и его социально-политического контекста; 3) социально-культурный анализ, позволяющий проследить роль указов в жизни буддийских общин; 4) политico-правовой анализ, направленный на выявление механизмов королевского патронажа и нормативных функций текста; 5) критический дискурс-анализ формулярных и риторических формул как средства идеологической коммуникации.

В российском академическом контексте **научная новизна** статьи выражается в трех уточняющих положениях. Во-первых, предлагается целостная типология «Высших королевских постановлений» (прашасти, джаяпатта, сима-грамоты) и обосновывается их взаимодополняющая роль в регулировании земельных и религиозных отношений. Во-вторых, обоснована трёхступенчатая трансформация формуляра: от санкционно-апотропейской модели ранней Шривиджай через риторически развернутый центрально-яванский этап к юридически лаконичному синкретизму Маджапахита. Во-третьих, показана тесная корреляция указанных структурных сдвигов с изменением схем королевского патронажа сангхи и последовательной эволюцией буддийских практик архипелага.

Обзор источников

Исследования о «Высших королевских постановлениях» (ВКП) базируются на пяти взаимодополняющих блоках: теория сакральной власти, публикации эпиграфики, археологические отчеты, работы о трансрегиональных связях и новейшая история буддизма. При этом проект «DHARMA» (The Domestication of "Hindu" Asceticism and the Religious Making of South and Southeast Asia) создает открытый репозиторий надписей с едиными метаданными и ГИС-модулем; включение описаний ВКП в эту платформу стандартизирует терминологию, облегчает проверку датировок и сопоставление индонезийских данных с материалами других стран ЮВА, повышая воспроизводимость дальнейших исследований [\[3\]](#).

1. Теоретическая рамка космологии и института царской власти

Р. фон Хайне-Гельдерн сформулировал представление о юго-восточноазиатском государстве как «уменьшенной копии Вселенной», в которой монарх действует осью мироздания, а гора Меру воплощается в архитектуре дворцов и святилищ [5, с. 3]. Прашасти (*prāśasti*, षट्टि, «хвала») и храмовые комплексы осознавались современниками как ритуальные механизмы поддержания космического порядка: текст фиксировал жертвенную заслугу, сооружение служило зримым образом мироустройства. Описанная модель объясняет сакрализацию власти и придает «Высшим королевским постановлениям» двойной статус — юридического документа и космологического акта.

2. Корпус источников Центральной Явы IX в.

А. Акри показал, как санскритские хвалебные формулы трансформировались в стихотворные старояванские указы, сопоставив каккавин «Рамаяна» с надписью Шивагрха 856 г. [1, с. 483]. Н. Сурпи в двух статьях проанализировал храм Шивагрха: первую — с точки зрения архитектурного воплощения индуистской теологии [16, с. 112], вторую — как свидетельство религиозной гармонии, отраженной и в эпиграфике, и в нынешнем шествии «Хармони-уок», которое соединяет Прамбанан и Чанди Севу, воспроизводит древнюю сакральную ось и иллюстрирует девиз «*Bhinneka Tunggal Ika*» [15, с. 29-30].

3. Тантрический поворот и трансрегиональные контакты XIII в.

Статья А. Акри и А. Венты раскрыла тантрическую программу царя Крытанагары и показала, что портретные статуи служили наглядными указами о сакральности правителя [2, с. 15]. Т. Харьюно проследил становление тантрического буддизма на Суматре, сопоставив эпиграфику Шривиджай и археологию Паданг-Лаваса [4, с. 4]. А. О. Захаров, переосмысливая династию Шайлендра, связал яванские указные формулы с дипломатическими браками и военными кампаниями VIII-IX вв., расширив хронологию и географию ВКП [20, с. 15].

4 Экономика, ландшафт и социальная ткань Шривиджай

П.-И. Манген доказал, что надпись «Бхакти» (*bhakti*) фиксировала сетевую, а не территориальную модель власти Шривиджай [7, с. 92]. Экологическое измерение царских указов раскрыто в анализе надписи Таланг-Туо С. Сирегара, показавшем ее как ранний «экологический указ» о создании парка *Śrīkṣetra* [13, с. 82]. Исследования Р. А. Сапутро и Л. Р. Сусанти переносят внимание на материальное наследие в Палембанге и деревнях дельты Леманг; авторы вводят понятие «деревенской прашасти» для безнадписных пограничных меток, репрезентирующих микро-уровень ВКП [12, с. 10583; 17, с. 165].

5. Институционализация синкретизма в эпоху Маджапахита

Р. Н. Марсоно и Н. Рахаю описали сеть «кадэвагуруан» (*kadewaguruan*, 'придворная школа наставников'), функционировавшую как образовательную инфраструктуру двора и обеспечивавшую практическую реализацию доктрины «Шива-Будда» (*Śiva-Buddha*) [8, с. 8]. Д. Й. Вахьюди и А. А. Муандар, обобщив 37 прашасти XIV-XV вв., показали юридическое закрепление формулы «шива-будда стхана» (*Śiva-Buddha sthāna*, 'святилище Шивы-Будды') и включение храмового налога «сапта пада» (*sapta pāda*, 'семичастный сбор') в финансовый механизм ВКП [18, с. 108].

6. Сопоставительные перспективы ЮВА

Дж. Н. Миксик представил макро-историческую картину конкуренции и кооперации буддизма и шиваизма, подчеркнув отсутствие религиозных войн и распространение параллельных мемориальных храмов [\[9, с. 4\]](#). Н. Ревир предложил концепт «ритуальной экономики» в низовьях Меконга, где медальоны с формулой «рируя» функционировали так же, как яванские медные грамоты [\[11, с. 402\]](#).

7. Новейшая трансформация буддийской политики

Э. Р. Путра проанализировал вызовы буддизма в мусульманском обществе и показал, что современная стратегия «социально ангажированного буддизма» продолжает этическую линию древних постановлений [\[10, с. 14\]](#). К. Стенбринк раскрыл механизмы государственного признания буддизма через институт WALUBI и реставрацию Боробудура [\[14, с. 14\]](#). Ю. Юлианти проследила эволюцию буддийских организаций с 1900 по 1959 гг., указав на континуитет формулы лояльности государству, восходящей к бхакти-прашasti Шривиджай [\[19, с. 8\]](#).

Таким образом, анализ представленных работ показывает широкий тематический и методологический спектр современной науки о ВКП Индонезии. Теоретические конструкции о космологическом характере власти сочетаются с точечными археологическими наблюдениями; региональные исследования Явы и Суматры дополняются сравнительными изысканиями по материковой Юго-Восточной Азии; наконец, продолжение древних моделей прослеживается в колониальном и постколониальном праве. Совокупность источников демонстрирует поступательное движение от текстовых прашasti к многоформатным визуальным, архитектурным и организационным носителям королевских указов, что позволяет всесторонне осветить роль ВКП в истории буддизма архипелага.

Результаты и обсуждение

1. Определение «Высших королевских постановлений» в индонезийском эпиграфическом контексте

Под термином «Высшие королевские постановления» (далее — ВКП) понимается совокупность нормативно-ритуальных текстов, исходивших непосредственно от монарха и фиксированных на долговечных носителях. Ключевое назначение ВКП — юридическое удостоверение актов, затрагивающих владение землей, налогообложение, административное устройство, религиозные привилегии и протокол сакрализации власти. Стандартный формуляр состоит из шести структурных блоков: инвокация-благопожелание, регалии и титулatura правителя, датировочная формула, диспозитив с изложением решения, санкция-проклятие, заверительная часть с перечнем свидетелей.

2. Общее представление о эволюции жанра «Высшие королевские постановления»

Динамика формуляра позволяет выделить три длинных цикла. Паллаво-шривиджайский период (VII–VIII вв.) демонстрирует лапидарный диспозитив и гипертрофированные санкции. Проклятия, обращенные к потенциальным нарушителям, описывают небесные кары, болезни, потерю социального статуса и крушение кораблей, что отражает образ мышления торгово-морского центра Суматры. Центрально-яванский этап (IX–X вв.) приносит усложнение пролога: поэтические обращения к бодхисаттвам, развернутые

генеалогические списки и ссылки на мифическую топонимику. Диспозитив расширяется, включая детальное перечисление урожайных культур, технологических ресурсов и конкретные повинности, от которых освобождаются жители пожалованной земли. Восточнояванский цикл (XIII–XVI вв.) знаменует переход к синтезу шива-будда; религиозная санкция укорочена, однако инвокация насыщается тантрическими божествами, а диспозитив получает форму краткого правового резюме с отсылкой к ранее выданным грамотам. Через механизм переиздания древних документов фиксируется преемственность собственности и легитимность династии. Структурная эволюция отражает формирование более сложных механизмов фискального управления, изменение модели монаршей харизмы и рост юридической грамотности административных корпусов.

3. Природа и ранние проявления королевских указов в Индонезии Формирование жанра ВКП происходило в среде интенсивного культурного обмена между Южной и Юго-Восточной Азией, когда морские маршруты соединяли Бенгальский залив, Малаккский пролив и архипелаг. Индийская эпиграфическая традиция, где хвалебно-дарственные прасти (*praśasti*, प्रशस्ति) уже обладали устоявшимся формуляром, послужила источником образцов и терминологии. На индонезийской почве заимствованный канон подвергался селективной переработке: сохранились принципы сакрализации власти, однако композиция текста подстраивалась под местное политическое устройство и поликонфессиональный ландшафт.

Материальные носители и их социокультурная роль

Первые индонезийские ВКП высекались на каменных стелах из андезита или гранита. Установка таких монументов на границах поселений и вдоль водных путей выполняла сразу две функции: юридическую (фиксировались полномочия правителя) и зрителю-ритуальную (каменно-скulptурная форма маркировала священное пространство). Начало VIII в. знаменует расширение репертуара носителей: медные пластины (*tāmrapatra*, ताम्रपत्र) становятся переносным аналогом стелы. Хранение пластин у бенефициаров требовало соблюдения особых обрядов их «оживления» через рецитацию инвокаций и периодическое переосвящение, поэтому документ включался в ритуальный цикл общины. От этого момента текст перестает быть чисто визуальным артефактом и превращается в инструмент длительной административной памяти: каждое обновление власти сопровождалось предъявлением медной грамоты чиновникам дворца.

Типология функций и содержания

ВКП представляют собой семейство монарших документов, внутри которого формируются и устойчиво функционируют несколько взаимодополняющих разновидностей, отличающихся как формальными параметрами, так и институциональной ролью. В жанровом отношении корпус распадается на три ключевые категории. Во-первых, прасти (*praśasti*, प्रशस्ति) — хвалебно-дарственные грамоты, утверждающие пожертвования земель, работников и налоговых доходов религиозным центрам; здесь юридическая диспозиция подчеркивается панегирической риторикой, сакрализующей волю правителя. Во-вторых, джаяпаттра (*jayapattra*, जयपत्र) — судебно-административные указы, фиксирующие решения арбитражей, освобождение общин от повинностей и разграничение компетенций между местными вождями (дата) и царской канцелярией; их содержание демонстрирует наличие разветвленной нормативной системы. В-третьих, грамоты о земельном наделении «сима» (*sīmā*, शीमा) — регламентируют налоговый иммунитет и устанавливают охраняемые границы участков, предназначенных для храмов и монастырей, тем самым формируя экономические основы религиозных институтов.

С функционально-семантической точки зрения упомянутые жанры охватывают четыре доминирующих типа постановлений: 1) хвалебно-дарственные акты, 2) юридические решения категории джаяпаттра, 3) учредительные симы, 4) мемориальные грамоты, посвященные основаниям поселений, военным экспедициям и созданию общественных парков, заявленных как деяния «ради блага всех существ». Каждый тип выстраивает собственную конфигурацию формулярных блоков, однако инвариантным элементом всех ВКП остается санкция-проклятие, придающая тексту сакрально-карательное измерение.

Важно подчеркнуть, что функционирование указанных разновидностей основано на синтезе юриспруденции, ритуала и политической коммуникации. Юридический текст неизменно сопровождается публичным оглашением, коллективным принесением клятвы и помещением носителя (каменной стелы либо медной пластины) в сакральном пространстве. Тем самым нормативное решение интегрируется в космологическую модель государства, а акт монарха получает мистическую защиту, обеспечивающую долговременную легитимность как самого постановления, так и политической системы, его породившей.

Языковая и палеографическая адаптация

Древнемалайский язык выступал посредником между санскритской правовой лексикой и местной фонетической системой. Лексемы бодхичитта (bodhicittā, बोधिचित्त), триаратна (triratna, त्रिरत्न) и ваджрашарира (vajraśārīra, वज्रशरीर) подвергались графической нормализации под паллавский шрифт, в результате чего возникали формы buddhicitta, triratna, vajraśārīra. Двухъязычные записи, где санскрит исполнял роль ритуального регистра, а древнемалайский — административного, демонстрируют раннюю модель функциональной билингвальности.

Письмо паллава сохраняло орнаментальные элементы, однако ряд диакритических знаков упрощался, что облегчало чтение неиндийскими писцами. Расширение внутреннего рынка грамотности привело к появлению смешанных графических комплексов, где паллавское начертание соседствовало с локальными курсивами — предшественниками кави.

Формуляр и астрономическая точность датировки

Формуляр ранних ВКП организован по шестичленной модели, заимствованной из индийской дипломатической традиции и детально адаптированной к условиям архипелага. Пролог открывает инвокация-благопожелание Шриватсалабха (śrīvatsalābha, श्रीवत्सलाभ), как правило начинаемая формулой «свasti шри» (svasti śī, स्वस्ति श्री), задающей сакрально-благоприятный тон всему документу. За инвокацией следует развернутый раздел Раджа-прашasti (rāja-praśasti, राज-प्रशस्ति), где в поэтизированных эпитетах и регалиях конструируется божественный статус монарха, подчеркивающий его право издавать постановления, обязательные не только для подданных, но и для местных божеств-охранителей.

Третий блок — Кала-нирдеша (kāla-nirdeśa, काल-निर्देश) — фиксирует дату по эре Шака с предельной астрономической точностью: указываются лунный день (тити), месяц, созвездие (накшатра), йога и карана. Такая детализация одновременно подтверждает подлинность указа и позволяет современным исследователям безошибочно соотнести индийскую и местную системы летоисчисления. Четвертый раздел, Вьявастха-вакья (vyavasthā-vākyā, व्यावस्था-वाक्या), содержит собственно диспозитив: формулируется решение, очерчиваются границы земли или определяются размеры повинностей, перечисляются льготы и иммунитеты.

Санкционная часть Данда-шапа (*daṇḍa-śāpa*, දංජ-්ඡප) описывает кару, ожидающую нарушителей. Формула обычно соединяет угрозы земного наказания административными органами с перспективой загробного возмездия, тем самым интегрируя юридическую норму в космологическую картину мира. Завершается документ разделом Сакшинам-нивеша (*sākṣinām-niveśa*, සාක්ෂී-නිවේෂ): перечисление свидетелей отображает иерархию двора, а их подписи (часто сопровождаемые символическими знаками) придают постановлению неотменимую силу.

Необходимо отметить, что столь строгая дипломатическая архитектура в сочетании с астрономически выверенной датировкой практически исключает возможность позднейших фальсификаций и служит надежной опорой при реконструкции синхронных календарных сеток Юго-Восточной Азии.

Сакрализация власти и интеграция буддийского дискурса

Инвокации ранних ВКП обращались к Будде, Бодхисаттвам и локальным натам. Формула «да пребудет счастье всех существ» интегрировала буддийский идеал сострадания (*karuṇā*) в политическую риторику, тем самым приравнивая заботу о подданных к дхаммической обязанности монарха. В случаях земельных даров храмам текст сопровождал публичный ритуал распыления святой воды и коллективного произнесения клятв. Медный донаторий становился материальным носителем заслуги (*riṇya*), а значит обретал статус реликвии, оберегаемой потомками.

Социальная функция медных грамот

Переход от камня к меди трансформировал юридический круговорот. Пластина не требовала стационарного размещения; при конфликтах о правах на рисовые террасы бенефициар мог представить грамоту в королевском суде. Подобная мобильность способствовала стандартизации делопроизводства: формуляр выстраивался так, чтобы стать читаемым вне контекста сельской общины. Введение медных носителей стимулировало формирование слоя профессиональных писцов (*kāyastha*), владеющих как санскритом, так и местными языками, обеспечивая единство правовой практики на всей территории раннесредневекового архипелага.

4. Королевские указы и буддизм в морской империи Шrivиджая (VII–XIII вв.)

Шrivиджайская эпиграфика свидетельствует о многоуровневом взаимодействии религии иластной практики. Дарственные стелы сопровождают учреждение монастырских парков, описывают посадку плодовых и лекарственных деревьев, устройство водных террас и плотин. Содержание парка связывается с заслугой правителя, а его ботаническое разнообразие интерпретируется как метафора духовного роста подданных. Присяжные тексты, высеченные на камне, включают массовую клятву верности, которую приносят сословия от принцев до ремесленников. Ритуал завершается возлиянием крови в чашу, помещенную на янтуру, что переводит юридическую процедуру в сферу тантрической магии. ВКП упоминают морские экспедиции против «Земли Явы», фиксируя санкцию на применение мантр для паралича противника. Через подобные описания формируется образ царя-покровителя буддизма, который защищает Дхамму средствами материальной мощи и эзотерических практик.

5. Буддизм в камне и меди: Королевские указы центрально-яванских царств (Матарам, Шайлendra; VIII–X вв.)

Монументальное храмовое строительство Центральной Явы продиктовало необходимость

юридического закрепления имущественной базы культов. Санскритская прасти Каласана оговаривает передачу целой деревни в собственность монашеской общины, освобождение крестьян от повинностей и назначение ответственных чиновников за контроль поставок кокосового масла, сахара и риса для ежедневных лампадных подношений. Данные формулы типологически сближаются с индийскими данными, однако вводят местные реалии, такие как упоминание специфических ирригационных каналов под названием каланг. Надпись Манджуширгха фиксирует возвведение костяка огромного ритуального комплекса: перечислены категории ремесленников, задействованных в строительстве, расписан их налоговый статус и порядок мобилизации труда. ВКП Караптенгах описывает храм Венувана как хранительнику реликвий предков-царей, превращая архитектурный объект в медиатор между живущим правителем и обожествленными предками. Языковая мозаика указов — смесь санскрита, древнемалайского и древнеяванского — отражает стратегию многоязыковой адресации: двор обращается к региональной элите, межостровному купеческому сословию и ученой монашеской среде одновременно.

6. Преемственность и трансформация: Буддийские темы в королевских указах восточнояянских царств (Сингхасари, Маджапахит; XIII–XVI вв.)

Тантрическая доктрина приобретает государственный масштаб при дворе Сингхасари. Грамоты фиксируют возведение статуй, в которых правитель визуализируется как божество Хеваджра: актуальные имена царя и божества соединяются через кавья-метафоры, провозглашая онтологическую тождественность царя и божества. Экономическая поддержка монастырей оформляется через мелкие кути-обители, закрепленные за отдельными наставниками, что указывает на дифференциацию религиозных ролей и появление сети частных духовных центров под покровительством короны. Эпоха Маджапахита приносит юридическое закрепление формулы шива-будда стхана. Постановления подтверждают права храмов, где в едином святилище устанавливаются лингам Шивы и статуя Будды Вайрочаны, а налог «семичастный сбор» распределяется между брахманами и монахами. Переизданные медные грамоты содержат ремарки о восстановлении утраченных пластин, что демонстрирует развитую архивную культуру. Через устойчивую практику копирования ранних ВКП новые династии связывают себя с героическим прошлым, легитимируя территориальные претензии и идеологическую программу религиозного синтеза.

7. Тематическая эволюция буддийского содержания в индонезийских королевских указах

Текстуальный анализ показывает постепенную усложненность буддийского дискурса. В начальной фазе на первый план выходит идеал щедрости, сформулированный через пожелание пунья. Позднее к нему добавляются доктрины шуньяты и, собственно, праджняпарамиты: центрально-яянские тексты цитируют строки о пустотности феноменов, интегрируя философские формулы в пролог. В тантрический период терминология смещается к ритуальным техникам. Фиксируются названия мантр, дхарани, описания янтар, а также специфические термины винаи, регулирующие имущественный статус монастырей. Санкционная часть переживает трансформацию: первоначальное перечисление кар за нарушение указа уступает место параболам о забвении Дхаммы и утрате заслуги. Подобная смена регистров демонстрирует эволюцию идеологической стратегии: апелляция к страху уступает место нравственному увещеванию и подчёркнутой ответственности элит перед сакральным порядком.

Эволюцию отражает и материальная сторона: ранние надписи предпочитают массивные

каменные стелы, размещенные в центрах поселений; поздние грамоты, выполненные на тонких медных листах, предназначаются для архивов храмовых управляющих. Информация становится мобильной, а юридическая сила текста связывается не с визуальной монументальностью, а с признанием его копии в бюрократических процедурах.

8. Непреходящее наследие королевских постановлений в понимании индонезийского буддизма

Историческое значение ВКП определяется двумя взаимодополняющими измерениями. Социально-экономическое измерение заключено в институтизации системы сима: освобожденные от царских налогов земли сформировали устойчивую ресурсную базу для храмов, монастырей и образовательных центров. После падения индуистско-буддийских королевств земельные привилегии трансформировались, однако память о них сохранилась в правовом сознании сельских общин, выражаясь в локальных ритуалах подтверждения границ и традиции чтения старых медных листов на новолуние. Идеологическое измерение проявляется в архете «царя-защитника Дхаммы». Эта модель, сформированная через ВКП, пережила исламизацию архипелага и была реинтерпретирована в колониальный период, когда буддийские братства ссылались на древний прецедент, аргументируя право на автономное управление святынями. Современные буддийские организации, обращаясь к наследию ВКП, воспроизводят дискурс социальной ответственности: уставы обществ повторяют формулу «благо всех существ», а стратегии культурного наследия апеллируют к идее сакральной земли. Исследование ВКП таким образом позволяет выявить долгосрочные континуума, соединяющие средневековую эпиграфику с актуальными практиками религиозной и культурной политики Индонезии.

Заключение

Проведенное исследование показало, что «Высшие королевские постановления» (ВКП) Индонезии периода VII–XVI вв. представляют собой комплекс юридико-ритуальных документов, в которых сакрализация власти соотнесена с практическим регулированием земельных отношений, налоговой политики и институционального статуса буддийских общин. Детальный анализ формуляра выявил шесть инвариантных блоков, а периодизация жанра — три фазовых цикла, отражающих эволюцию идеологического дискурса от устрашения к синкретическому моральному авторитету. Систематизация корпуса постановлений позволила уточнить датировки ключевых текстов, проследить географию буддийского патронажа и реконструировать механизмы юридической преемственности через практику переиздания медных грамот.

Рассмотрение функциональной типологии ВКП продемонстрировало, что прашасти, джаяпаттра и сима-грамоты образуют взаимодополняющую систему, обеспечивавшую стабильность государственной, экономической и религиозной инфраструктуры. Сопоставление материала разных регионов подтвердило, что буддийская терминология адаптировалась к местным языкам без утраты доктринальной точности, а включение мантр, дхарани и санкционных формул превращало каждый документ в элемент космологической защиты царской власти. Выявленные модели патронажа — от дарения целых деревень до установления «семичастного сбора» — описывают формирование устойчивой ресурсной базы храмов и монастырей, оказывавшей долговременное влияние на культурный ландшафт архипелага.

Методологически исследование демонстрирует продуктивность объединения

классической эпиграфической критики с цифровой разметкой корпуса, при строгой опоре на издания, прошедшие полноценную текстологическую экспертизу. Системная проверка датировок, топонимов и терминологии, дополненная историческим, социокультурным, политико-правовым и критико-дискурсивным анализами, позволила встроить ВКП в междисциплинарные исследования социальной экологии, истории права и сравнительного религиоведения. Полученные результаты показывают, что императорские указы служили медиатором между хозяйственными практиками и буддийской этикой, фиксируя конкретные механизмы трансляции дхаммических ценностей в нормативно-правовое пространство.

Перспективы дальнейших исследований связаны с построением широкой компаративной модели. Планируется включить в анализ корпуса «пхра бором ратча онгкан» (phra borom ratcha ongkan) Таиланда, а также параллельные комплексы Камбоджи, Бутана, Шри-Ланки, Мьянмы, Лаоса, Вьетнама, Китая, Тибета, Монголии, Кореи, Индии, Тайваня и России. Сравнительное изучение позволит выявить конвергентные и дивергентные траектории сакрализации власти, уточнить универсальные параметры буддийского правового дискурса и заложить основу для диссертационного проекта автора, посвященного тайским ВКП как источнику по истории буддизма данного региона.

Библиография

1. Acri A. On birds, ascetics, and kings in Central Java Rāmāyana Kakawin, 24.95-126 and 25 // Bijdragen tot de taal-, land-en volkenkunde. – 2010. – Vol. 166, № 4. – P. 475-506. – DOI: 10.1163/22134379-90003611.
2. Acri A., Wenta A. A Buddhist Bhairava? Kṛtanagara's Tantric Buddhism in Transregional Perspective // Entangled Religions. – 2022. – Vol. 13, № 7. – P. 1-46. – DOI: 10.46586/er.13.2022.9653. EDN: JAKTHW.
3. DHARMA : ERC-проект "The Domestication of "Hindu" Asceticism and the Religious Making of South and Southeast Asia" [Электрон. ресурс]. – URL: <https://erc-dharma.github.io/> (дата обращения: 30.05.2025).
4. Haryono T. Traces of Buddhism in Sumatra: An Archaeological Perspective // UNESCO Silk Road Paper. – 2016. – 7 p. – URL: https://en.unesco.org/silkroad/sites/default/files/knowledge-bank-article/traces_of_buddhism_in_sumatra_an_archaeological_perspective.pdf (дата обращения: 29.05.2025).
5. Heine-Geldern R. Conceptions of State and Kingship in Southeast Asia. – Ithaca (NY) : Southeast Asia Program, Cornell University, 1956. – 17 p.
6. Kementerian Pendidikan dan Kebudayaan Republik Indonesia. Praśāsti [Электронный ресурс] : dokumen resmi yang dikeluarkan oleh seorang raja / Direktorat Pelindungan Kebudayaan. – Jakarta : Kementerian Pendidikan dan Kebudayaan, 2015. – Режим доступа: <https://kebudayaan.kemdikbud.go.id/dpk/prasasti/> (дата обращения: 04.06.2025). – Загл. с экрана. – Текст : электронный. (на индон. яз.).
7. Manguin P.-Y. Srivijaya: Trade and Connectivity in the Pre-modern Malay World // Journal of Urban Archaeology. – 2021. – Vol. 3. – P. 87-100. – DOI: 10.1484/J.JUA.5.123677. EDN: UHBDXK.
8. Marsono, Rahayu N. Movement of Hindu Religious Education in The Era of The Kingdom of Majapahit // Dharmakirti: International Journal of Religion, Mind and Science. – 2023. – Vol. 1. – P. 1-11. – DOI: 10.61511/ijroms.v1i1.2023.266.
9. Miksic J. N. The Buddhist-Hindu Divide in Premodern Southeast Asia // NSC Working Paper. – 2010. – № 1 (Sep). – P. 1-37.
10. Putra E. R. Buddhism in Indonesia: the current issues of development of Buddhism and modern Muslim // Teaching Dhamma in New Lands: conference volume. – Myanmar (Burma)

- : ATBU Meetings, 2009. – P. 11-20.
11. Revire N. Dvaravati and Zhenla in the seventh to eighth centuries: A transregional ritual complex // Journal of Southeast Asian Studies. – 2016. – Vol. 47, № 3. – P. 393-417. – DOI: 10.1017/S0022463416000254.
12. Saputro R. A. et al. Relics of the Kingdom of Srivijaya in Palembang as a Source of Local Historical Learning // BIRCI Journal. – 2022. – Vol. 5, № 2. – P. 10580-10588.
13. Siregar S. Talang Tuo inscription: The management of environmental in Sriwijaya period // Indonesian Journal of Environmental Management and Sustainability. – 2021. – Vol. 2. – P. 80-83. – DOI: 10.26554/ijems.2018.3.3.80-83.
14. Steenbrink K. Buddhism in Muslim Indonesia // Studia Islamika. – 2013. – Vol. 20. – P. 1-34. – DOI: 10.15408/sdi.v20i1.346.
15. Surpi N. K., Widiana I. G. P. G., Marselinawati P. S. Sivagrha: religious harmonization and the concept of unity in diversity // Life and Death: Journal of Eschatology. – 2023. – Vol. 1, № 1. – P. 25-35.
16. Surpi N. Sivagrha (Prambanan Temple) as an Archetype of Hindu Theology in Nusantara (An Endeavor to Discover Hindu Theological Knowledge through Ancient Temple Heritage) // Analisa: Journal of Social Science and Religion. – 2020. – Vol. 5. – P. 107-122. – DOI: 10.18784/analisa.v5i1.1024. EDN: PXIUD.
17. Susanti L. R., Fathiah H., Mariyani, Hidayanti M., Oktarina T. Analisis Peninggalan Keagamaan Hindu-Buddha di Kedatuan Sriwijaya: Perspektif Sosio-Kultural // Fajar Historia: Jurnal Ilmu Sejarah dan Pendidikan. – 2024. – Vol. 8. – P. 160-172. – DOI: 10.29408/fhs.v8i1.23821. EDN: NZHHAS.
18. Wahyudi D. Y., Munandar A. A. Majapahit: Reflection of the Religious Life (14th-15th AD) // AHS-APRISH Proceedings. – 2023. – Vol. 753. – P. 104-115.
19. Yulianti Y. The Birth of Buddhist Organizations in Modern Indonesia, 1900-1959 // Religions. – 2022. – Vol. 13, № 3, Art. 217. – P. 1-15. – DOI: 10.3390/rel13030217. EDN: UXMJII.
20. Zakharov A. O. The Šailendras reconsidered // Nalanda-Sriwijaya Centre Working Paper Series. – 2012. – № 12 (Aug). – P. 1-38.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья на тему ««Высшие королевские постановления» Индонезии VII-XVI вв. как источник по истории буддийских практик архипелага» для опубликования в журнале «Исторический журнал: научные исследования». Статья посвящена анализу «Высших королевских постановлений» (ВКП) Индонезии VII-XVI вв. как ключевого источника для изучения истории буддизма в регионе. Автор рассматривает эти документы в контексте их юридической, ритуальной и социально-политической роли, уделяя особое внимание их влиянию на формирование буддийских практик и институтов. Исследование основано на комплексном подходе, сочетающем эпиграфический анализ, историческую реконструкцию и социокультурный анализ. Автор использует методы источниковедческой критики, сравнительного религиоведения и политico-правового анализа. Важным аспектом является применение цифровых инструментов, таких как ГИС-модуль проекта DHARMA, что повышает точность и воспроизводимость результатов. Тема статьи является актуальной в свете растущего интереса к истории буддизма в Юго-Восточной Азии и его взаимодействию с государственными институтами. Исследование вносит вклад в дискуссии о роли

сакрализации власти и религиозного синкретизма в ранних государствах региона. Кроме того, работа соответствует современным тенденциям цифровой гуманитаристики, используя открытые репозитории для анализа эпиграфических данных. Научная новизна статьи проявляется в нескольких аспектах: 1) предложена типология ВКП, включающая прашасти, джаяпаттры и сима-грамоты, что позволяет систематизировать их функции и содержание; 2) выделены три этапа эволюции формуляра ВКП, отражающие изменения в идеологии и административной практике; 3) показана корреляция между структурой ВКП и моделями королевского патронажа буддийских общин.

Стиль, структура, содержание соответствуют предъявляемым требованиям. Статья отличается четкой структурой, логичным изложением и академическим стилем. Автор последовательно раскрывает тему, начиная с обзора источников и заканчивая выводами. Содержание работы хорошо аргументировано, а анализ подкреплен ссылками на авторитетные научные публикации. Библиография статьи обширна и включает актуальные работы за последние годы, такие как исследования Acri (2022), Meksic (2010), Revire (2016) и другие. Однако можно было бы добавить несколько новейших публикаций (2023-2024 гг.), например, работы по цифровым методам в эпиграфике или сравнительным исследованиям буддизма в Юго-Восточной Азии. Автор учитывает критические точки зрения, например, дискуссии о природе термина «команда кераджан» и его неприменимости к доколониальному периоду. Однако было бы полезно более подробно обсудить альтернативные интерпретации некоторых эпиграфических данных, например, в работах современных индонезийских исследователей.

Статья представляет значительный интерес для историков, религиоведов и специалистов по Юго-Восточной Азии. Выводы работы подчеркивают важность ВКП как источника для понимания взаимодействия буддизма и власти в Индонезии. Перспективным направлением дальнейших исследований могло бы стать сравнительное изучение ВКП с аналогичными документами из других регионов Юго-Восточной Азии. Статья является значимым вкладом в изучение истории буддизма и государственности Индонезии. Она сочетает глубокий анализ источников с междисциплинарным подходом, что делает ее ценной для научного сообщества. Представленная на рецензирование статья может быть рекомендована для опубликования в избранном журнале.